

Догоняющее развитие в условиях санкций: стратегия позитивного сотрудничества¹

Полтерович Виктор Меерович

ЦЭМИ РАН и МШЭ МГУ, Москва, Россия, e-mail: polterov@mail.ru

Цитирование: Полтерович В.М. (2023). Догоняющее развитие в условиях санкций: стратегия позитивного сотрудничества. *Terra Economicus* 21(3), 6–16. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-3-6-16

Статья посвящена разработке долгосрочной стратегии социально-экономического развития России. Отмечается, что западная цивилизация находится в глубоком кризисе, обусловленном исчерпанием потенциала механизмов экономической и политической конкуренции. В борьбе с неблагоприятными тенденциями относительно успешны страны, где механизмы сотрудничества в сферах экономики и политики играют достаточно значимую роль. В связи с этим возникает необходимость пересмотреть стратегии развития догоняющих стран. Для России, охваченной войной санкций, этот вопрос особенно актуален. Обычно рассматривают два варианта его решения: мобилизационную стратегию, предусматривающую ужесточение власти, и либерализационную стратегию, предполагающую резкое снижение роли государства. В настоящей работе сделана попытка показать, что наиболее предпочтительной является стратегия позитивного (не направленного против третьих лиц) сотрудничества, предусматривающая на первом этапе формирование институтов догоняющего развития и сокращение неравенства. В результате, как свидетельствует опыт стран, совершивших экономическое чудо, может быть запущен быстрый экономический рост и достигнут высокий уровень доверия граждан друг к другу и государственным институтам. По мере успешного развития роль государства должна снижаться, а роль рыночных взаимодействий временно возрастет. При этом усилия должны быть направлены на то, чтобы Россия оказалась в классе скоординированных рыночных экономик с высоким уровнем корпоративной социальной ответственности, а по характеру политической системы могла быть отнесена к консенсусным демократиям. В результате роста благосостояния, уровня технологий и гражданской культуры стратегия позитивного сотрудничества обеспечит России коллаборативное преимущество, а значит, вхождение в группу наиболее успешных государств. При этом весьма вероятно сближение России и стран ЕС.

Ключевые слова: *постмодернизм; конкуренция; догоняющее развитие; гражданская культура; скоординированная рыночная экономика; коллаборативное преимущество*

¹ В статье разрабатываются идеи доклада, прочитанного автором на XV Пушинском симпозиуме по эволюционной экономике (Полтерович, 2023).

Catching-up development under sanctions: The strategy of positive collaboration

Victor M. Polterovich

CEMI RAS; Moscow School of Economics (MSE MSU), Russia, e-mail: polterov@mail.ru

Citation: Polterovich M.V. (2023). Catching-up development under sanctions: The strategy of positive collaboration. *Terra Economicus* 21(3), 6–16 (in Russian). DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-3-6-16

The paper focuses on the elaboration of a long-term strategy for Russian socio-economic development. Western civilization is facing severe crisis, since mechanisms of economic and political competition outlived their efficiency. When fighting against unfavorable trends, those countries succeed that implement collaboration mechanisms in economic and political activities. The catching-up strategies of developing countries, therefore, need revising. This problem is particularly important for Russia being under international restrictions. Two alternatives are usually considered: mobilization strategy, which provides for a tightening of power, and a liberalization strategy, directed at reducing the role of the state. This paper attempts to show that the most preferable strategy is the strategy of positive (excluding activities against third parties) collaboration, aimed in the first stage at establishing the institutions of catching-up development and the reduction of inequality. As the experience of economic miracle countries shows, such a strategy makes it possible to launch rapid economic growth and to achieve high interpersonal trust and strong confidence in the state institutions. As the development succeeds, the role of government should diminish, whereas the role of market interactions might temporarily strengthen. Efforts should be directed to ensure that Russia finds itself among coordinated market economies with a significant level of corporate social responsibility and established consensus democracy. Due to growth in welfare, technological advancement, and the rise of civic culture, the strategy of positive collaboration might provide Russia with a collaborative advantage, which means joining the group of the most successful countries. In this case, a rapprochement between Russia and the EU countries seems quite plausible.

Keywords: *postmodernism; competition; catching-up development; civic culture; coordinated market economy; collaborative advantage*

JEL codes: *B52, D02, D64, O20, P21*

Введение

Гражданская культура западных обществ быстро и радикально изменяется. Все большую роль играет философия постмодернизма (Плакроуз, Линдси, 2022), по рекомендациям которой трансформируются социальные механизмы. Одно из важнейших направлений постмодернизма – критическая расовая теория. Вот что пишут ее основатели: «критическая расовая теория ставит под сомнение сами основы либерального порядка, включая теорию равенства, юридическую аргументацию, рационализм эпохи Просвещения и нейтральные принципы конституционного права» (Delgado and Stefancic, 2017: 3).

А вот мнение представителя другой ветви постмодернизма – постколониальной теории. Профессор (!) Университета Уаикато в Новой Зеландии Линда Тухивай Смит заявляет: «С точки зрения колонизированных – позиции, с которой я пишу и которой считаю нужным отдавать приоритет, – термин «исследование» неразрывно связан с европейским империализмом и колониализмом. Само слово «исследование», вероятно, одно из грязнейших слов в лексиконе коренного мира» (цит. по: Плакроуз, Линдси, 2022: 111).

Под давлением сторонников постмодернизма в США и ряде других стран Запада в программы обучения в школах и университетах включаются курсы по «разнообразию» (*diversity*), а при найме на

работу учителей, профессоров и государственных чиновников предпочтение отдается «меньшинствам» – женщинам, черным, гомосексуалистам, трансгендерам – даже в случаях их более низкой квалификации по сравнению с другими кандидатами. Аналогичная тенденция начинает проявляться и в крупных компаниях². В перспективе это неизбежно ведет к деградации.

Тот факт, что западная цивилизация находится в глубоком кризисе, признается многими исследователями. Нобелевские лауреаты А. Банерджи и Э. Дюфло в книге 2019 г. пишут: «Общественные дискуссии между левыми и правыми превращаются во все более и более громкую ругань... 61% демократов считает республиканцев расистами, сектантами и фанатиками... Треть всех американцев расстроятся, если... член их семьи вступит в брак с представителем другой партии»; «Существует четкое ощущение, что цивилизация..., основанная на демократии и дискуссиях, находится под угрозой»; «нам грозят тяжелые времена» (перевод приводится по: Банерджи, Дюфло, 2021: 11, 12, 14).

В апреле 2023 г. в журнале *The Wall Street Journal* появилась заметка его главного редактора Герарда Бэйкера, где говорится: «Мы находимся в тисках идеологии, которая отрицает наш гений, порицает наш успех, презирает заслуги»³. Примечательно название заметки: «Если западная цивилизация погибнет, считайте это самоубийством».

Возможное объяснение кризиса западной цивилизации состоит в исчерпании потенциала механизмов конкуренции (Полтерович, 2021а; 2022а). В течение последних трех веков конкуренция в экономической и политической сферах обусловила невиданные ранее темпы экономического и социального развития. Однако по мере роста благосостояния, уровня гражданской культуры и несмотря на технический прогресс, все явственней обнаруживаются органические пороки конкуренции: высокие материальные издержки вследствие дублирования усилий и банкротств; неприязнь к представителям конкурирующих групп, обуславливающая нездоровый социальный климат; непреодолимая тенденция к увеличению неравенства, порождающая протестные движения. Неразрешимая в условиях политической конкуренции, «проблема грязных рук» способствует формированию механизма отрицательного отбора политических лидеров, а неэффективность государственного управления вызывает недоверие к политикам и институтам власти (Полтерович, 2021а). В этих условиях относительно успешными оказываются страны, обладающие коллаборативными преимуществами – более развитыми механизмами сотрудничества в экономической и политической сферах (Полтерович, 2022а). США, не преуспевшие в формировании механизмов сотрудничества, постепенно теряют лидерство; именно в этой стране разрушительная идеология постмодернизма оказывает наибольшее влияние, ведет к деградации социальных, экономических и политических институтов.

Для «догоняющих» стран кризис передового Запада по-новому ставит вопрос о стратегии развития. До сих пор страны экономического чуда на завершающей стадии сверхбыстрого роста стремились построить институты конкурентной экономики и конкурентной демократии. Сегодня эта стратегия оказывается под вопросом.

Для России, охваченной войной санкций, вопрос о выборе стратегии развития особенно актуален. Обычно рассматривают два варианта: мобилизационную стратегию, предусматривающую ужесточение власти, использование для борьбы с угрозами мер, не основанных на установленных долговременных правилах, и либерализационную стратегию. Она «предполагает максимальную поддержку частной предпринимательской активности путем масштабной экономической либерализации, радикального сокращения бюрократического контроля и снижения налогового бремени» (Сморозинская, Катукон, 2022: 61).

Элементы мобилизационной стратегии используются российским правительством. Характерным примером является «добровольный однократный взнос в бюджет», который было предложено сделать в 2023 г. компаниям с чистой доналоговой прибылью за 2021–2022 гг. не менее 1 млрд руб.⁴ Превратившись в систему, подобные меры создали бы обстановку неопределенности, при которой обеспечение устойчивого экономического роста стало бы невозможным.

Использование либерализационной стратегии при резком ухудшении экономических условий и жестком внешнем противостоянии противоречило бы накопленному мировому опыту, включая опыт России и других стран с переходной экономикой в 1990-е гг. Такая стратегия привела к экономическо-

² Dehaas, J. (2018). Turns out there is discrimination in hiring professors – but not against minorities. *National Post*. (<https://nationalpost.com/opinion/turns-out-there-is-discrimination-in-hiring-professors-but-not-against-minorities>); Dreher, R. (2012). Diversity vs. Competence. *The American Conservative*. June 27. (<https://www.theamericanconservative.com/diversity-competence/>)

³ (<https://www.wsj.com/articles/if-western-civilization-dies-put-it-down-as-a-suicide-goldman-sachs-pronouns-merit-ideology-23c3c6c8>).

⁴ <https://tass.ru/ekonomika/17271337>.

му спаду во всех этих странах без исключения, несмотря на относительно благоприятную внешнеэкономическую обстановку.

Мировой опыт свидетельствует о неэффективности политики тотальной приватизации, к которой призывают некоторые сторонники либерализационной стратегии. Столь же неэффективна и политика национализации основных отраслей, у которой есть свои адепты. Каждый акт национализации или приватизации следует документально обосновывать, каждому государственному предприятию должна быть прописана определенная миссия, при исчерпании которой следует поставить вопрос о его приватизации (Полтерович, 2013).

В настоящей работе сделана попытка показать, что наиболее предпочтительной является стратегия позитивного (не направленного против третьих лиц) сотрудничества, предусматривающая институциональную реформу и реформу экономической политики и включающую два основных этапа: 1) формирование институтов догоняющего развития (Полтерович, 2016; 2022b); 2) построение скоординированной рыночной экономики с высоким уровнем корпоративной социальной ответственности (позволяющем говорить о капитализме стейкхолдеров) и переход к консенсусной демократии (Hall and Gingerich, 2009; Strand and Freeman, 2015; Amor-Esteban et al., 2019; Lijphart, 2012). Остановимся на основных элементах предлагаемой стратегии.

Формирование институтов догоняющего развития

Согласно (Полтерович, 2016), к институтам догоняющего развития (ИДР) относятся корпоративистская система управления, индикативное планирование, генеральное агентство развития, национальная инновационная система, нацеленная на заимствование технологий. Эти институты были сформированы в подавляющем большинстве стран, которым за последние 80 лет удалось из развивающихся стать развитыми, включая Японию, Южную Корею, Сингапур, Тайвань. ИДР сыграли решающую роль в преодолении отставания послевоенной Франции, Испании конца 1950-х и Ирландии 1990-х гг. от европейских соседей. Китайская реформа 1978 г., положившая начало периоду невероятно быстрого экономического роста, предусматривала формирование ИДР. Функционируют эти институты в таких успешных странах, как Индия и Малайзия, в Ботсване, одной из передовых стран Африки, в Саудовской Аравии, решающей задачу диверсификации, в Иране, много лет сопротивляющемся санкционному давлению.

И преодоление отставания от передовых стран и противостояние санкциям – обе эти задачи требуют консолидации общества, которая возможна лишь при достаточно высоком уровне доверия граждан к политическим лидерам и институтам управления. В странах, совершивших экономическое чудо, это достигалось путем формирования так называемых корпоративистских режимов (Unger and Chan, 2015). Под корпоративизмом понимается система принятия политических и экономических решений, основанная на взаимодействии государства с организациями, представляющими группы интересов – ассоциаций бизнеса, профсоюзов, представителей гражданского общества, экспертов. Франкистскую Испанию, скандинавские страны и Австрию в послевоенные годы также относят к числу таких режимов. Наличие влиятельных экспертных советов при правительственных органах, широкое обсуждение важнейших государственных проблем, предваряющее принятие правительственных постановлений, способствуют росту доверия.

Определенным шагом в формировании корпоративистской системы взаимодействия в России явилось подписанное в апреле 2021 г. Генеральное соглашение между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2021–2023 гг. В тексте подчеркивается, что оно «является составной частью коллективно-договорного процесса в системе социального партнерства и служит основой для разработки и заключения отраслевых соглашений на федеральном уровне и региональных соглашений»⁵.

Быстрое заимствование технологий, необходимое для успеха догоняющего развития, достигается, как показывает опыт, путем индикативного планирования. Необходимость в нем резко возрастает в условиях санкций. Дело в том, что при внедрении новых технологий нередко возникает необходимость в импорте соответствующего оборудования, сырья и материалов и, кроме того, обнаруживается недостаток отечественного спроса на новую продукцию, который компенсируется ее экспортом. В условиях санкций и импорт, и экспорт затруднены. Для преодоления этой трудности необходимо перейти от внедрения отдельных технологий к формированию сетей добавленной стоимости, вклю-

⁵ <https://rg.ru/documents/2021/04/13/profsoyuz-dok.html>

чающих отечественные компании в качестве основных игроков, что требует одновременного технологического обновления производственных процессов на предприятиях, относящихся к разным отраслям. Массовое решение таких задач вряд ли возможно без индикативного планирования.

Индикативное планирование – это механизм взаимодействия, укрепляющий доверие между государством, бизнесом и обществом, способствующий расширению индивидуальных горизонтов, увеличивающий радиус доверия между гражданами, преодолевающий боязнь неопределенности и низкий уровень коллаборативности благодаря иницилирующей роли государства. Вот что писал о нем Пьер Массе, под руководством которого формировался и реализовывался третий пятилетний план в послевоенной Франции: «План вырабатывается посредством согласованных усилий представителей экономических и общественных сил: гражданских служащих, менеджмента (сельскохозяйственного, промышленного, коммерческого), профсоюзов и работников. Это сотрудничество обеспечивает более когерентные прогнозы и решения и создает ощущение единства, способствующее выполнению плана» (Masse, 1965: 265). Индикативное планирование естественно вписывается в корпоративистскую систему управления экономикой.

Корпоративистские системы имеют иерархическую структуру, где координационные функции выполняют те или иные государственные органы. При невысоком уровне гражданской культуры и качестве институтов такие иерархии не могут быть коллаборативными в строгом смысле этого термина (Полтерович, 2021b)⁶. На начальных этапах действуют командные иерархии, где влияние сигналов «снизу» на принимаемое решение постепенно возрастает, иерархия становится совещательной и в дальнейшем имеет шансы превратиться в коллаборативную. Государство может влиять на этот процесс, поддерживая активных участников и отказывая в поддержке тем, кто нарушает взятые на себя обязательства.

Для успеха догоняющего развития необходима координация всех видов долгосрочной экономической политики. Такая координация затруднена при стандартной структуре правительства, включающего министерства, занимающиеся как формированием текущей политики, так и решением задач на перспективу. Трудности возникают из-за различий в целевых установках, прежде всего, министерства экономики и министерства финансов. Последнее, ставя во главу угла сбалансированность бюджета, вынужденно ограничивает возможности стимулирования роста. Кроме того, индикативное планирование требует информации, которой в полном объеме ни одно из министерств, как правило, не располагает. Поэтому практически во всех странах догоняющего развития для реализации экономического чуда было сформировано специальное агентство, ответственное за формирование долгосрочной политики. В статьях (Полтерович 2016; 2018)⁷ оно названо генеральным агентством развития (ГАР). В условиях санкций формирование долгосрочной стратегии сталкивается с серьезными дополнительными трудностями, поэтому потребность в ГАР становится еще более насущной.

В 2018–2019 гг. в России была создана Государственная система проектной деятельности (ГСПД), которая могла бы послужить отправной точкой для формирования системы индикативного планирования (Полтерович, 2020). Для управления новой системой образован Совет при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам, председателем Президиума Совета стал премьер-министр. В положении о Совете сказано, что его основная функция состоит в обеспечении «взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений, научных и других организаций при рассмотрении вопросов, связанных со стратегическим развитием Российской Федерации...»⁸. По существу, в этом и должна состоять главная задача ГАР. К сожалению, реальная роль Совета в управлении российской экономикой не выглядит значительной.

Заимствование технологий – важнейший элемент стратегии догоняющего развития. Санкции препятствуют заимствованию, так что роль инновационной компоненты при заимствовании возрастает. В рамках НИС особое значение приобретает сотрудничество между государством, фирмами, банками, исследовательскими организациями: частно-государственное партнерство⁹, проектное финансирование,

⁶ Согласно (Полтерович, 2021b) коллаборативными называются иерархии, в которых координатор лишь фиксирует решения, принимаемые на более низком уровне на основе консенсуса. Во властных иерархиях решение принимает координатор, используя сигналы, поступающие от подчиненных. Если эти сигналы формируются на основе взаимодействия подчиненных друг с другом, то властная иерархия называется совещательной, а если горизонтальные взаимодействия отсутствуют, то командной.

⁷ Применительно к России в этих статьях используется также термин «Федеральное агентство развития».

⁸ <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71331892/#1000>

⁹ Значение государственно-частного партнерства подчеркивает Концепция технологического развития на период до 2030 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 20 мая 2023 г. № 1315-п. (<http://static.government.ru/media/files/Q1KvOXIKjuo8zjzvARvqNEENPJO6va.pdf>), с. 20, 44.

консорциумы. В той или иной мере эти формы сотрудничества действуют в России. Так, в 2020 г. издано распоряжение Правительства РФ, посвященное стратегии развития электронной промышленности, предусматривающее создание консорциумов, которые определяются как «объединения научно-производственных, сбытовых организаций и потребителей, создаваемые для реализации проектов по разработке, производству, выводу на рынок и развитию электронной продукции... (в состав консорциума могут входить образовательные и научные организации, разработчики компонентной базы и программного обеспечения, производители изделий, институты развития, венчурные компании, потребители...)»¹⁰. Сообщается о подписании несколькими ведущими техническими вузами страны в ноябре 2022 г. соглашения о создании консорциума в области научного приборостроения¹¹. Его задача – снизить долю импортного научного оборудования, продажи которого в 2022 г. достигли 93%. При этом недостаток спроса на такое оборудование указывается как одна из проблем, которую предстоит решить. Создание консорциумов предусматривается и в стратегии развития аддитивных технологий¹². Нет сомнения, что консорциумы были бы полезны и во многих других отраслях народного хозяйства¹³.

Формирование механизмов сотрудничества существенно упрощается при использовании электронных коллаборативных платформ. В частности, такие платформы позволяют сократить издержки взаимодействия и повысить эффективность проектов обновления технологий, охватив при этом все этапы их разработки от фундаментальных научных исследований до внедрения (Barker et al., 2019).

Особое внимание следует уделить сокращению неравенства. По величине индекса Джини Россия занимает 79 место из 162 стран, опережая подавляющее большинство развитых стран¹⁴. Более того, «с учетом дооценки доходов самого богатого верхнего дециля на основе данных по богатству и налоговой статистике она становится одним из мировых лидеров по неравенству» (Салмина, 2021: 93).

Сокращение неравенства уменьшает социальную напряженность и повышает уровень межличностного доверия¹⁵, создавая необходимые условия для сотрудничества, способствует снижению уровня коррупции (Jong-sung and Khagram, 2005), увеличению спроса на отечественные товары и ускорению экономического роста в долгосрочном периоде (Page, 1994: 222; Castells-Quintana et al., 2022). Не случайно быстро развивавшиеся страны Юго-Восточной Азии отличались низким уровнем неравенства (Page, 1994: 222).

С тем, что различия в доходах в России в целом справедливы, не согласны более 87% респондентов опроса, проанализированного в (Корчагина, Прокофьева, 2022: 9). Ответственность за это они возлагают на власть и считают, что в обязанность государства входит сокращение дифференциации доходов (Там же: 19).

В связи с этим стоит обратить внимание на инструктивную заметку, посвященную анализу плоской шкалы подоходного налога, опубликованную в январе 2023 г. авторитетным американским аналитическим центром. Поводом для публикации стало недавнее введение такого налога частью американских штатов. В заключении авторы пишут: «Все наиболее распространенные утверждения в поддержку плоской шкалы налогообложения... лишены оснований. В конечном счете, плоская шкала налогообложения не согласуется с озабоченностью общества по поводу неравенства, и ее использование практически исключает саму возможность справедливой налоговой системы»¹⁶.

До тех пор, пока в России не введен прогрессивный налог на доходы физических лиц, ее нельзя считать государством всеобщего благосостояния, и наши шансы на достижение быстрого экономического роста крайне малы.

Еще одно возможное направление снижения фактического неравенства – запрет на создание частных клиник и больниц (по примеру Канады), но с сохранением возможности формировать платные отделения в государственных медицинских учреждениях. При этом каждый врач должен быть обязан значительную часть времени работать в бесплатных отделениях. В такой системе более состоятельные

¹⁰ Распоряжение Правительства РФ от 17 января 2020 г. № 20-р «О Стратегии развития электронной промышленности РФ на период до 2030 г. и плане мероприятий по ее реализации». (<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73340483/>).

¹¹ Быкова Н. (2022). В России будут делать научные приборы. *Эксперт*, № 48, 28 ноября – 4 декабря.

¹² Распоряжение Правительства РФ от 14 июля 2021 г. № 1913-р «Об утверждении Стратегии развития аддитивных технологий в РФ на период до 2030 г.» (<https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401404208/>).

¹³ Отметим, что согласно упомянутой выше Концепции технологического развития в России «новыми субъектами технологического развития должны стать: объединения (технологические холдинги и др.), включающие образовательную, исследовательскую, конструкторскую и производственную базу, опытные производства», а также исследовательские консорциумы (с. 19, 20).

¹⁴ <https://www.indexmundi.com/facts/indicators/SI.POV.GINI/rankings>

¹⁵ Society at a Glance 2011: OECD Social Indicators. (http://www.oecd-ilibrary.org/sites/soc_glance-2011-en/08/01/index.html?itemId=/content/chapter/soc_glance-2011-26-en&_csp_=7d6a863ad60f09c08a8e2c78701e4faf).

¹⁶ Byerly-Duke, E., Davis, C. (2023). *The pitfalls of flat income taxes*. The Institute on Taxation and Economic Policy. Brief. January 17. (<https://itep.sfo2.digitaloceanspaces.com/Pitfalls-of-flat-income-taxes-ITEP-Jan-2023.pdf>), p. 7.

граждане могли бы обеспечить себе относительно лучшие условия лечения, однако доступ к наиболее квалифицированным специалистам получили бы все пациенты. По мере роста благосостояния в стране вознаграждения врачей в отделениях обоих типов могли бы постепенно выравниваться, и со временем все медицинское обслуживание могло бы стать бесплатным.

Увеличение доходов бюджета за счет прогрессивного налога облегчило бы совершенствование национальной инновационной системы. Упрощенно НИС может быть представлена следующей цепочкой:

университеты (производство кадров) ↔ академические институты (фундаментальная наука) ↔ отраслевые НИИ ↔ исследовательские отделы крупных фирм + институты развития

Проблемы ее совершенствования обсуждаются в статье (Полтерович, 2022b), где, в частности, обосновываются два направления реформы: а) увеличение числа бюджетных мест и создание эндаументов в университетах и б) расширение системы государственных научных центров (играющих у нас роль НИИ) с тем, чтобы их тематика охватила все отрасли народного хозяйства.

О формировании идеологии позитивного сотрудничества

Следование стратегии позитивного сотрудничества способствовало бы формированию идеологии, которая, в свою очередь, позитивно влияла бы на реализацию этой стратегии. Идеология сотрудничества имеет глубокие корни в российской философской культуре (Кирдина-Чэндлер, Холл, 2017). Синонимичное понятие – взаимопомощь – лежит в основе учения П.А. Кропоткина. Он считал механизм взаимопомощи фундаментальным фактором эволюции, противопоставляя свою точку зрения теории межвидовой конкуренции (Кропоткин, [1902] 2007). По его мнению, человеческое общество «зиждется на сознании.. человеческой солидарности, ...на бессознательном или полусознанном признании силы, заимствуемой каждым человеком из общей практики взаимопомощи; на тесной зависимости счастья каждой личности от счастья всех...» (Кропоткин, 2002: 52). Н.А. Бердяев использовал другой термин, близкий по смыслу сотрудничеству – коммюнитарность. Он писал: «русская же идея есть идея коммюнитарности и братства людей и народов» (Бердяев, [1946] 2008: 299), подчеркивая при этом, что «русские – коммюнитарны, но не социализированы в западном смысле, т.е. не признают примата общества над человеком» (Там же: 82). Это очень важная мысль (независимо от того, в какой мере она соответствовала реальности). Современная идеология сотрудничества должна опираться не на коллективизм, а на просоциальный индивидуализм (Welzel, 2013), на коллаборативность – стремление индивида к сотрудничеству, предполагающее умение сотрудничать и основанное на его сознательном выборе, а не на слепом следовании нормам референтной группы (Chatman and Barsade, 1995). Идея сотрудничества играет важную роль в социалистических учениях, оказавших столь сильное влияние на развитие России в XX веке. Необходимо понимать, что приближение к идеалу не достигается путем насилия, а требует продуманной политики постепенного совершенствования общества, его материального благосостояния, технологического уровня, институтов и гражданской культуры.

Цель – коллаборативные преимущества

Как отмечалось выше, наблюдаемый кризис институтов конкуренции по-новому ставит вопрос о стратегии развития «догоняющих» стран. По мере успешного развития роль государства должна снижаться, а роль конкурентных, рыночных взаимодействий временно возрастет¹⁷, но важно понимать, какую рыночную экономику мы строим. В реформенном процессе ИДР должны сыграть роль промежуточных институтов.

Массовое распространение консорциумов и коллаборативных платформ, дружественные взаимодействия между фирмами, банками, государственными органами и общественными организациями, снижение неравенства и решительная борьба с коррупцией приведут к росту обобщенного доверия и повышению массовой культуры. В результате можно надеяться на то, что в России сформируется скоординированная рыночная экономика (СкРЭ)¹⁸ с высоким уровнем корпоративной социальной ответственности (позволяющем говорить о капитализме стейкхолдеров) (Hall and Gingerich, 2009; Strand and Freeman, 2015; Amor-Esteban et al., 2019).

¹⁷ Отметим, что согласно (Концепция..., 2023a), низкая конкуренция является одной из причин отставания России от наиболее развитых стран в темпах инновационно ориентированного экономического роста (с. 12).

¹⁸ Подчеркнем, что согласно (Schedelik et al., 2021), основное отличие СкРЭ от либеральной рыночной экономики (ЛРЭ) состоит в механизме взаимодействия между фирмами: в СкРЭ оно носит сетевой индивидуализированный характер, причем фирмы нередко объединяются в ассоциации, в то время как для ЛРЭ характерны обезличенные конкурентные отношения с формальными двусторонними контрактами. Государство в СкРЭ должно поддерживать координацию фирм (Busemeyer et al., 2022).

Значимая роль общественных и экспертных советов в управлении создаст предпосылки для формирования значительного числа парламентских партий и построения представительной консенсусной демократии (Lijphart, 2012).

В современной теории типов капитализма (Schedelik et al., 2021), ставшей важным разделом новой политической экономики, принято выделять четыре типа развивающихся экономик. Утверждается, что страны, принадлежащие двум группам, имеют хорошие шансы на успех: так называемые зависимые экономики и рыночные экономики с постоянным присутствием государства (*state-permeated*). Для первой из этих групп, включающей страны Восточной Европы, характерно решающее влияние иностранного капитала, а вторая характеризуется контролем государства над крупными компаниями, тесным сотрудничеством между государственными органами и отечественным капиталом, не исключая определенный уровень конкуренции между фирмами, и последовательной стратегией промышленного развития (Schedelik et al., 2021: 516). К этой группе, которую я предпочитаю называть «координируемые государством рыночные экономики» (КГРЭ), принадлежат Индия и Китай. Их преимущества в немалой степени определяются эффективными институтами догоняющего развития; роль индикативного планирования в успехах Китая подчеркивается в (Weber and Hao, 2022).

Предлагаемая стратегия позитивного сотрудничества нацелена на присоединение России к группе КГРЭ с тем, чтобы в результате роста благосостояния, уровня технологий и гражданской культуры обеспечить нашей стране коллаборативные преимущества, а значит, постепенное вхождение в группу наиболее успешных стран – скоординированных рыночных экономик.

ЕС, США и Россия после конфликта

В работе (Smith, 2022) автор констатирует наличие противоречий между ЕС и США в пяти сферах взаимодействия: экономической, властной, сетевой, институциональной и идеологической. Во-первых, очевидно несоответствие интересов ЕС и США в энергетической политике и в отношении к Китаю. Во-вторых, наблюдаются «упадок... фрагментация и потенциальный крах» трансатлантического порядка, основанного на испытывающей эрозию доминировании США» (Там же: 222). В-третьих, имеет место «интенсивная политизация, казалось бы, профессиональных и социокультурных сетей» и, как следствие, их разрушение на трансатлантическом уровне (Там же: 223). В-четвертых, в последние годы растет сомнение, даже пренебрежение в отношении институтов трансатлантического и глобального управления (Там же: 224). Наиболее ярко это проявилось в отказе администрации Трампа прибегнуть к помощи ряда институтов ЕС-США, делая акцент на двусторонних отношениях с отдельными членами ЕС. Наконец, в-пятых, внешняя политика ЕС опирается на идеологию мультилатерализма (под которым автор понимает «набор практик и ценностей, которые ставят во главу угла организацию взаимодействий на основе взаимности, переговоров и институционализированных обычаев сотрудничества»), в то время как США исповедуют идеологию унилатерализма, «подвергая сомнению либеральные ценности в глобальных политических и экономических отношениях» (Там же: 224).

В статье (Riddervold and Newsome, 2018: 518) утверждается, что «трансатлантические отношения сегодня находятся под большим давлением, нежели в любой другой период с момента их зарождения», и что, «вероятно, трещины в фундаменте трансатлантических отношений будут сохраняться в настоящем и обозримом будущем». По мнению тех же авторов, эти выводы остаются справедливыми и в 2022 г., несмотря на то, что взаимоотношения между ЕС и США после начала специальной военной операции временно укрепились (Newsome and Riddervold, 2022: 233).

Знаменательно стремление Европейского Союза к технологическому и, в частности, к цифровому суверенитету, при этом подчеркивается специфика «европейских ценностей» (Glasze et al., 2023: 928–937; Дементьев, 2023: 8–10); фактически речь идет о независимости от США.

На наш взгляд, расхождения между США и Европейским союзом носят глубинный характер и определяются различиями в гражданской культуре, в структуре экономических и политических механизмов. Прежде всего эти различия обнаруживаются при сопоставлении США со странами Семерки европейских лидеров (Дании, Норвегии, Швеции, Исландии, Финляндии, Нидерландов, Швейцарии), а также, хотя и в несколько меньшей степени, с Германией и Австрией (Полтерович, 2022а). Эти страны относительно успешно борются с кризисом механизмов конкуренции благодаря коллаборативным преимуществам.

Приведенные аргументы дают основания надеяться на то, что стратегия позитивного сотрудничества после разрешения конфликта на Украине будет способствовать сближению России и стран ЕС. Эта надеж-

да поддерживается опубликованной 31 марта 2023 г. концепцией внешней политики Российской Федерации¹⁹. В ней отмечаются наши «...глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой» (п. 4) и говорится о том, что «Россия не считает себя врагом Запада, не изолируется от него, не имеет по отношению к нему враждебных намерений и рассчитывает, что в дальнейшем государства, принадлежащие к западному сообществу... примут во внимание сложные реалии многополярного мира и вернуться к прагматичному взаимодействию с Россией, руководствуясь принципами суверенного равенства и уважения интересов друг друга. На такой основе Российская Федерация готова к диалогу и сотрудничеству» (п. 13). Очень важно содержащееся в том же документе обоснование такой готовности: «Объективными предпосылками для формирования новой модели сосуществования с европейскими государствами являются географическая близость, исторически сложившиеся глубокие культурно-гуманитарные и экономические связи народов и государств европейской части Евразии». При этом подчеркивается, что «главным фактором, осложняющим нормализацию отношений России и государств Европы, является стратегический курс США и их отдельных союзников на проведение и углубление разделительных линий в Европейском регионе в целях ослабления и подрыва конкурентоспособности экономик России и государств Европы... обеспечения глобального доминирования США» (п. 60).

Неудачи реформ 1990-х гг. и трудности сближения России с Европейским союзом, проявившиеся в начале 2000-х, породили ряд работ российских авторов, призывающих к формированию официальной идеологии, основанной на модификациях марксизма и лозунгов царской империи. При этом раздаются голоса об отказе от идеологического многообразия – принципа, закрепленного в п. 1 ст. 13 Конституции РФ. Следование подобным рекомендациям неизбежно привело бы к политической и экономической деградации России. Процитированная выше Концепция внешней политики Российской Федерации дает надежду на то, что этого не произойдет. Стратегия позитивного сотрудничества обеспечит сплоченность общества при координирующей, но не подавляющей роли государства, даст России максимальные возможности для реализации долгосрочной политики эффективного распределения ресурсов и обновления технологий, а значит, – для успешного противостояния санкционному давлению, несмотря на неизбежные издержки.

Заключение

Успешное противостояние санкциям в долгосрочной перспективе возможно лишь на основе сотрудничества между государственными структурами, ассоциациями бизнеса, профсоюзами и гражданским обществом. Особое значение приобретает доверие граждан друг к другу, к политическим и общественным институтам.

Стратегию долгосрочного сотрудничества можно реализовать, внедрив на первом этапе ИДР в качестве промежуточных институтов и формируя соответствующую идеологию. Необходимо постепенно снижать командную роль государства, оставляя ему координационные функции. Повышать роль частного бизнеса следует так, чтобы в результате построить скоординированную рыночную экономику с высоким уровнем корпоративной социальной ответственности в сочетании с консенсусной демократией.

Все империи рано или поздно распадаются. В случае США это будет означать отказ от политики мирового господства под влиянием обострения противоречий между стратами американского общества и различными штатами, усиления сопротивления развивающихся стран и отчуждения стран Европейского союза, стремящихся нарастить коллаборативные преимущества. Возникнут условия не просто для «многополярности», но для возврата к принципам Организации объединенных наций, для формирования системы дружественных взаимодействий между государствами, находящимися на разных стадиях развития. Выбор стратегии позитивного сотрудничества позволил бы России встать вровень с Европой, чтобы совместно строить мир всеобщего благосостояния, где помощь развитых стран позволяет развивающимся достичь достаточно высокого уровня жизни (Myrdal, 1957; Polterovich, 2018).

Литература/References

Банерджи А., Дюфло Э. (2021). *Экономическая наука в тяжелые времена. Продуманные решения самых важных проблем современности*. М.: Институт Гайдара. [Banerjee, A., Duflo E. (2021). *Good Economics for Hard Time. Better Answers to Our Biggest Problems*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House (in Russian)].

¹⁹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229. (<https://rg.ru/documents/2023/03/31/prezident-ukaz229-site-dok.html>).

- Бердяев Н. (2008). *Русская идея*. СПб.: Азбука-классика. [Berdyayev, N. (2008). *The Russian Idea*. Saint Petersburg: Azbuka-klassika Publ (in Russian)].
- Дементьев В.Е. (2023). Технологический суверенитет и приоритеты локализации производства. *Terra Economicus* 21(1), 6–18. [Dementiev, V. (2023). Technological sovereignty and priorities of localization of production. *Terra Economicus* 21(1), 6–18 (in Russian)].
- Кирдина-Чэндлер С.Г., Холл Дж. (2017). Кооперация versus конкуренция в трудах российских эволюционистов. *Journal of Institutional Studies* 9(1), 6–26. [Kirdina-Chandler, S., Hall, J. (2017). Cooperation versus competition in works of Russian evolutionists. *Journal of Institutional Studies* 9(1), 6–26 (in Russian)].
- Корчагина И.И., Прокофьева Л.М. (2022). Субъективное восприятие социального неравенства – мнение населения о социальной справедливости. *Демографическое обозрение* 9(4), 4–21. [Korchagina, I., Prokofieva, L. (2022). Subjective perception of social inequality – The population’s opinion about social justice. *Demographic Review* 9(4), 4–21 (in Russian)].
- Кропоткин П.А. (2002). *Анархия: Сборник*. М.: Айрис-пресс. [Kropotkin, P. (2002). *Anarchy: Collected Papers*. Moscow: Airis-Press (in Russian)].
- Кропоткин П.А. [1902] (2007). *Взаимопомощь как фактор эволюции*. М.: Самообразование. [Kropotkin, P. [1902] (2007). *Mutual Aid: A Factor of Evolution*. Moscow: Samoobrazovanie Publ. (in Russian)].
- Плакруз Х., Линдси Д. (2022). *Циничные теории. Как все стали спорить о расе, гендере и идентичности и что в этом плохого*. М.: Individuum. [Pluckrose, H., Lindsay, J. (2022). *Cynical Theories. How Activist Scholarship Made Everything about Race, Gender and Identity – and Why This Harms Everybody*. Moscow: Publishing house “Individuum” (in Russian)].
- Полтерович В.М. (2013). Приватизация и рациональная структура собственности. Часть 2. Рационализация структуры собственности. *Экономическая наука современной России* (1), 7–24. [Polterovich, V. (2013). Privatization and the rational ownership structure. Part 2. Rationalization of the ownership structure. *Economics of Contemporary Russia* (1), 7–24 (in Russian)].
- Полтерович В.М. (2016). Институты догоняющего развития (к проекту новой модели экономического развития России). *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз* (5), 34–56. [Polterovich, V. (2016). Institutions of catching-up development (on the project of a new model for economic development of Russia). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecasts* (5), 34–56 (in Russian)].
- Полтерович В.М. (2018). Федеральное агентство развития: оно необходимо для разработки и реализации успешных стратегий. *Проблемы теории и практики управления* (3), 35–41. [Polterovich, V. (2018). Federal Development Agency: It is necessary for the design and implementation of successful strategies. *Theoretical and Practical Aspects of Management* (3), 35–41 (in Russian)].
- Полтерович В.М. (2020). Реформа государственной системы проектной деятельности, 2018–2019 годы. *Terra Economicus* 18(1), 6–27. [Polterovich, V. (2020). Reform of the project activity state system, 2018–2019. *Terra Economicus* 18(1), 6–27 (in Russian)].
- Полтерович В.М. (2021а). Кризис институтов политической конкуренции, интернет и коллаборативная демократия. *Вопросы экономики* (1), 52–72. [Polterovich, V. (2021a). Crisis of institutions of political competition, Internet and collaborative democracy. *Voprosy Ekonomiki* (1), 52–72 (in Russian)]. DOI: 10.32609/0042-8736-2021-1-52-72
- Полтерович В.М. (2022b). Еще раз о том, куда идти: к стратегии развития в условиях изоляции от Запада. *Журнал Новой экономической ассоциации* (3), 238–244 [Polterovich, V. (2022b). Once again about where to go: Toward a development strategy in isolation from the West. *Journal of the New Economic Association* (3), 238–244 (in Russian)].
- Полтерович В.М. (2022а). Конкуренция, сотрудничество и удовлетворенность жизнью. Ч. 2. Основа лидерства – коллаборативные преимущества. *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз* 15(3), 42–57. [Polterovich, V. (2022a). Competition, collaboration, and life satisfaction. Part 2. The fundament of leadership – collaborative advantage. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast* 15(3), 42–57 (in Russian)]. DOI: 10.15838/esc.2022.3.81.2
- Полтерович В.М. (2023). Закат общества конкуренции и стратегия социально-экономического развития России. В сб.: *Экономика России и мира в эпоху смены мирохозяйственных укладов: теория, методология, практика*. Сборник тезисов докладов участников XV Пушкинского симпозиума по эволюционной экономике. М.: ИЭ РАН, с. 75–77. [Polterovich, V. (2023). The decline of the competitive society, and Russia’s socio-economic development strategy. In: *The economy of Russia and the world in the era of changing world economic structures: Theory, methodology, practice*.

- Proceedings of the XV International Pushchino Symposium on Evolutionary Economics. Moscow: IE RAS Publ., pp. 75–77 (in Russian)].
- Полтерович В.М. Коллаборативные иерархии (2021b). *Вопросы экономики* (7), 31–48. [Polterovich, V. (2021b). Collaborative hierarchies. *Voprosy Ekonomiki* (7), 31–48 (in Russian)].
- Салмина А.А. (2021). Высокое ли экономическое неравенство в России? Вопросы измерения, показатели и их оценки. *Мир России* 30(3), 78–99. [Salmina, A. (2021). High economic inequality in Russia? Measurement issues, indicators and evaluation. *Mir Rossii* 30(3), 78–99 (in Russian)].
- Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. (2022). Россия в условиях санкций: пределы адаптации. *Вестник Института экономики Российской академии наук* (6), 52–67. [Smorodinskaya, N., Katukov, D. (2022). Russia under sanctions: limits of adaptation. *Vestnik Instituta Ekonomiki Rossiyskoy Akademii Nauk* (6), 52–67 (in Russian)].
- Amor-Esteban, V., Galindo-Villardón, M., García-Sánchez, I. (2019). A multivariate proposal for a national corporate social responsibility practices index (NCSRPI) for international settings. *Social Indicators Research* 143(2), 525–560.
- Barker, M., Olabarriaga, S., Wilkins-Diehr, N., Gesing, S., Katz, D. et al. (2019). The global impact of science gateways, virtual research environments and virtual laboratories. *Future Generation Computer Systems* 95, 240–248.
- Busemeyer, M., Carstensen, M., Emmenegger, P. (2022). Orchestrators of coordination: Towards a new role of the state in coordinated capitalism? *European Journal of Industrial Relations* 28(2), 231–250. DOI: 10.1177/09596801211062556
- Castells-Quintana, D., Gradín, C., Royuela, V. (2022). Inequality and human development. WIDER Working Paper 2022/96.
- Chatman, J., Barsade, S. (1995). Personality, Organizational Culture, and Cooperation: Evidence from a Business Simulation. *Administrative Science Quarterly* 40, 423–443.
- Delgado, R., Stefancic, J. (2017). *Critical Race Theory: An Introduction*. New York: New York University Press.
- Glazze, G., Cattaruzza, A., Douzet, F. et al. (2023). Contested spatialities of digital sovereignty. *Geopolitics* 28(2), 919–958.
- Hall, P., Gingerich, D. (2009). Varieties of capitalism and institutional complementarities in the political economy: An empirical analysis. *British Journal of Political Science* 39(3), 449–482.
- Jong-sung, Y., Khagram, S. (2005). A comparative study of inequality and corruption. *American Sociological Review* 70(1), 136–157.
- Lijphart, A. (2012). *Patterns of Democracy. Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. New Haven: Yale University Press.
- Masse, P. (1965). The French plan and economic theory. *Econometrica* 33(2), 265–276.
- Myrdal, G. (1957). *Rich Lands and Pure*. New York: Harper and Row.
- Newsome, A., Riddervold, M. (2022). Conclusion: Out with the old, in with the new? Explaining Changing EU–US Relations. *Politics and Governance* 10(2), 229–234.
- Page, J. (1994). The East Asian miracle: Four lessons for development. In: Fischer, S., Rotemberg, J. (eds). *NBER Macroeconomics Annual 1994*, vol. 9. MIT Press, January, pp. 219–282. <http://www.nber.org/books/fisc94-1>
- Polterovich, V. (2018). Towards a general theory of socio-economic development: The evolution of coordination mechanisms. *Russian Economic Journal* (4), 346–385.
- Riddervold, M., Newsome, A. (2018). Transatlantic relations in times of uncertainty: Crises and EU-US relations. *Journal of European Integration* 40(5), 505–521.
- Schedelik, M., Nölke, A., Mertens, D., May, Ch. (2021). Comparative capitalism, growth models and emerging markets: The development of the field. *New Political Economy* 26(4), 514–526.
- Smith, M. (2022). How much of a new agenda? International structures, agency, and transatlantic order. *Politics and Governance* 10(2), 219–228.
- Strand, R., Freeman, R. (2015). Scandinavian cooperative advantage: The theory and practice of stakeholder engagement in Scandinavia. *Journal of Business Ethics* 127(1), 65–85.
- Unger, J., Chan, A. (2015). State corporatism and business associations in China: A comparison with earlier emerging economies of East Asia. *International Journal of Emerging Markets* 10(2), 178–193.
- Weber, I., Hao, Q. (2022). *The state-constituted market economy: A conceptual framework for China's state-market relations*. Economics Department Working Paper Series, 319. DOI: 10.7275/kj02-f646
- Welzel, Ch. (2013). *Freedom Rising*. New York: Cambridge University Press.